

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тридцать минут под прицелом

«Научная книга»

Серова М. С.

Тридцать минут под прицелом / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частного детектива Татьяну Иванову приглашает к себе важный чиновник, у которого совсем недавно зверски убили молодую жену. Что ж, таких дел Таня расследовала не один десяток. Вот только отношение к ней клиента весьма своеобразно: сыщице за минутное опоздание на встречу достался нагоняй, да и беседа прошла как-то скомкано – деловой человек торопился начать очередное совещание и буквально выпихивал Иванову за дверь. Что это? Фанатичная пунктуальность или желание поскорее отделаться от ее первоклассных услуг? А может быть, у зарвавшегося педанта самого рыльце в пушку?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Тридцать минут под прицелом

Глава 1

Сколько существует причин для того, чтобы убить человека? По-моему, не так уж и много, по большому счету всего две.

Первая – это непреодолимое желание завладеть чужим имуществом. Совсем неважно, сколько каратов в чьей-то бриллиантовой подвеске или банок маринованных огурцов в соседском погребе, сколько квадратных метров в пентхаусе с видом на море или тех же единиц измерения в покосившейся халупе. Всегда может найтись тот, кто позавидует чужому добру.

Вторая причина кроется в межличностном конфликте. Если один человек раздражает чем-то другого и не хочет или не может не делать этого, то второй иногда берется за оружие.

Конечно, здесь тоже существуют свои нюансы. Но каким бы ни был движущий мотив: необузданная страсть, кровная месть, панический страх или любое другое чувство – в конечном итоге причина одна: невозможность преодолеть межличностный конфликт другим способом, кроме как физически устранить своего противника.

Мне предстояло раскрыть убийство, которое милиция и прокуратура считали «глухарем». Надо признаться, что в какой-то момент я тоже засомневалась в успехе. Казалось, что молодую, красивую и состоятельную женщину зверски убили без всякой на то причины. Вы скажете, что такого не может быть, и будете правы. Мотив для этого убийства обязательно есть, и я должна его найти, и чем скорее, тем лучше, ведь на карту поставлена моя репутация.

* * *

Все началось со звонка секретарши одного чиновника. Девушка сухо, по-деловому уточнила мою фамилию и род моих занятий, а затем тоном, не терпящим возражений, и, не вдаваясь ни в какие подробности, назначила мне время аудиенции. Разумеется, я привыкла к более любезному обращению, но пришлось засунуть свои амбиции подальше и сказать, что буду у Андрея Георгиевича без опозданий.

Надо же, заместителю начальника Управления капитального строительства приспичило встретиться со мной через полчаса, и ему не было абсолютно никакого дела до того, что я как раз собиралась сварить себе чашечку любимой «Арабики»! Увы и ах! Пришлось поставить пустую джезvu на разделочный стол: кофейное священнодействие не терпит суеты.

Открыв шкаф, я окинула взглядом свой немаленький гардероб, достала нежно-салатового цвета новый деловой костюм из натурального льна и быстренько облачилась в него. Не имея времени на длительные сборы, чуть освежила свой утренний макияж и через пятнадцать минут после звонка уже покинула квартиру. Прямо по-военному, не так ли?

В приемную я зашла за две минуты до назначенного срока. С учетом пробок на дорогах в час пик мной был поставлен настоящий скоростной рекорд, но секретарша посмотрела сначала на свои огромные наручные часы, а потом на меня и укоризненно покачала головой, будто я безнадежно опоздала.

– Я думала, что вы, Татьяна Александровна, уже не успеете, – заметила дамочка бальзаковского возраста, критически оглядев меня с ног до головы и показав мне своей пухлой рукой на левую дверь с табличкой «Басманов А.Г.». – Вас ждут.

– У вас, вероятно, часы спешат, – не смогла удержаться от замечания я. – Сверьте их с курантами, а то еще уйдете с работы раньше времени. Чего доброго, хорошего места лишитесь...

– Это вас не касается, гражданка Иванова, – надув губки, сказала секретарша. – У меня с часами все в порядке! Лучше проверьте свои часы!

Короче, мы обменялись любезностями, и я зашла в кабинет к чиновнику, у которого возникли проблемы, требующие немедленного вмешательства частного детектива.

– Здравствуйте, Андрей Георгиевич, – с порога поприветствовала я хозяина кабинета.

Это был интересный мужчина лет сорока – сорока двух с густой шапкой черных, слегка выющихся волос, высоким лбом с двумя намечающимися поперечными морщинами, глубоко посаженными темно-кариими глазами, несущими печать безмерного трагизма, чуть выпяченной вперед нижней губой и красиво очерченным подбородком.

– Здравствуйте, – сказал он резко, почему-то избегая моего взгляда. – Проходите, Располагайтесь... Вам, вероятно, известно о несчастье, которое меня постигло?

Вопрос хозяина кабинета застал меня врасплох, потому как я не имела даже приблизительного понятия, о чем идет речь. Изворачиваться и оправдываться не в моих правилах, поэтому я ответила коротко и без промедления:

– Нет.

Басманов вскинул на меня удивленные глаза и пояснил:

– Убита моя жена.

Признаюсь, по дороге я пыталась предугадать, в чем суть басмановского дела, но не смогла попасть в точку. Меня сбило с толку место встречи, поэтому все предположения сводились к профессиональному кругу интересов чиновника. К тому же только вчера я довела до конца одно заковыристое дело, и все, что не касалось его хотя бы краешком, в одно ухо влетало, а в другое, как говорят, вылетало.

Наверняка местные средства массовой информации сообщали об убийстве жены заместителя начальника областного Управления капитального строительства, но частный детектив Татьяна Иванова не заострила на этом свое внимание. Вот уж действительно стоило приехать минут за пять-десять до аудиенции, задобрить секретаршу и выудить у нее «полезную» информацию! А я зачем-то поругалась с ней, хотя обычно бываю очень терпимой к представительницам этой профессии, в конце концов они много знают о своих шефах и даже могут поделиться интересными для следствия материалами. Признаюсь, сегодня допустила оплошность, поэтому на неожиданное сообщение клиента не нашла ничего лучшего, как отделаться дежурной фразой:

– Приношу вам свои соболезнования.

Андрей Георгиевич привычно кивнул, а потом сказал твердо и даже как-то угрожающе:

– Я хочу знать, кто и почему это сделал! Милиция и прокуратура, на мой взгляд, бессильны. Вы возьметесь за расследование? Предупреждаю сразу: мне архиважно, чтобы убийца был найден в самый кратчайший срок.

Еще не зная подробностей этого преступления, я согласилась:

– Да, Андрей Георгиевич, я к вашим услугам.

– Это произошло в прошлую субботу. – Басманов придвинул к себе настольную рамку, вероятно, с фотографией жены, и казалось, он обращался к ней, а не ко мне. – Моя супруга работала бухгалтером в фирме «Тарпластмет», которая занимается установкой пластиковых окон и металлических дверей. По случаю пятилетия ее руководство решило устроить банкет. Я отговаривал Наташу туда идти, но она меня не послушала.

– Почему? Я имею в виду – почему вы отговаривали?

Басманов вскинул на меня свои удивленно-печальные карие глаза, словно мой вопрос показался ему совершеннейшей глупостью.

– Мы были женаты всего три месяца, и Наталья еще не осознала в полной мере, что теперь принадлежит, – чиновник замолчал, глядя на фотографию, а затем поправился, – стала принадлежать к совершенно другому кругу... На ту корпоративную вечеринку были приглашены абсолютно все сотрудники фирмы: монтажники, сварщики, уборщицы, причем со своими семьями. Я пойти туда отказался сразу! Наташа на этом и не настаивала. У меня уже был опыт неприятного общения с ее боссом. Узнав, за кого Наталья вышла замуж, Турилкин заявился ко мне вот в этот самый кабинет и попросил, нет, даже потребовал, чтобы я обеспечил его фирму заказами. Представляете?

Я показала мимикой лица, что также считаю выходку Турилкина верхом неприличия. После этого Басманов продолжил свой рассказ:

– Я, конечно, постарался объяснить ему, что строительные фирмы сами вольны выбирать партнеров, но он меня не понял. Стал предлагать хороший «откат», и это после того, как посадили за взятку председателя областного комитета по культуре!

– Да, Андрей Георгиевич, я вас понимаю.

«Прыткий же был шеф у Натальи, – подумала я. – Такие вопросы нахрапом не решаются. Будь Турилкин поделкатнее, глядишь бы, дело и выгорело. Хотела бы я посмотреть на чиновника, который живет без „отката“, и этот наверняка грешен, но зачем-то пытается пудрить мне мозги, что кристально честен. Интересно, это имеет отношение к убийству или нет? Кстати, а почему Наталья продолжала работать в этой фирме? Мог бы найти жене местечко потеплее, чтобы не стесняться ее круга общения».

Басманов точно услышал мой вопрос и сказал, не отрывая взгляда от фотографии:

– Я не хотел, чтобы Наташа работала в «Тарпластмете», но она говорила, что не желает быть просто домохозяйкой. Я стал подыскивать ей приличное место. Это не так-то просто, но я все-таки нашел. Через два месяца уходит на пенсию наш бухгалтер, но Наташу убили... Она пошла на ту вечеринку и не вернулась.

Я внимательно следила за выражением лица Андрея Георгиевича: его левый глаз задергался, нижняя губа еще больше выпятилась вперед, артерия на шее заметно напряглась. Мне показалось, что Басманов не сможет больше говорить о трагедии, но я ошиблась. Справившись с волнением и обидой на несправедливую судьбу, он продолжил:

– Около десяти вечера мне позвонил Владимир Валентинович, Наташин отец, и сказал, что... что ее нашли мертвой в гараже...

– Так, вот с этого места, пожалуйста, поподробнее. В каком гараже? Кто нашел? Какое орудие убийства?

– Еще днем я отвез Наталью на машине в салон красоты «Джулия», который находится недалеко от «Тарпластмета». Она собиралась там сделать прическу, маникюр... Да что вам это объяснять. Вы лучше меня знаете все эти штучки! – Клиент впервые взглянул на меня не как на частного детектива, а как на женщину, но быстро отвел взгляд. – А оттуда, из салона красоты, Наташа, вероятно, сразу пошла на банкет. Турилкин даже не удосужился снять приличный ресторан. Устроил вечеринку на первом этаже офиса. У них там большой холл и выставочный зал. Я знаю, что Наталья пришла туда, но почему-то через два часа она оказалась совсем в другом месте – в гараже своего отца.

– Где находится гараж? Далеко от офиса? Туда надо ехать или можно дойти пешком? – Я буквально засыпала вопросами Басманова.

– Рядом, в двух кварталах. «Тарпластмет» находится на улице Пушкина, а гараж – на Советской. Татьяна Александровна, вы понимаете, что проблема не в том, как она смогла туда добраться, а зачем она это сделала? Что она забыла в гараже? – шепотом спросил Андрей Георгиевич, глядя на фотографию.

– Да, я понимаю. Проблема в том, почему вашу жену убили. – Мой ответ не случайно был несколько невпопад. Басманов пытался навязать свой ход мыслей, а я в этом совершенно

не нуждалась. – Андрей Георгиевич, я знаю, как вам тяжело обо всем этом говорить. Тем не менее все-таки необходимо задать вам несколько назревших вопросов.

– Задавайте, – разрешил чиновник.

Перед ним стояла фотография жены, и мне очень хотелось взглянуть на нее, поэтому я встала, обошла стол и следующий вопрос задала уже из-за спины Басманова:

– Ваша супруга водила машину?

– Да. Оказывается, у нее остались ключи от родительского гаража и от отцовской «Нивы», но после свадьбы она ездила исключительно на нашем «Рено». Я редко сам сажусь за руль, потому что у меня есть служебная машина с водителем... Татьяна Александровна, не понимаю, почему вы стоите у меня за спиной? Мне неудобно так с вами разговаривать! – возмутился Басманов.

Он был совершенно прав. Так разговаривать было действительно неудобно. Зато я получила представление, как выглядела при жизни Наталья. С фотографии смотрело жизнерадостное лицо молодой женщины лет двадцати пяти – двадцати семи с большими выразительными глазами василькового цвета, идеальной линией бровей, с ямочками на щеках и завораживающей улыбкой.

– Она была очень красива. – Я просто не могла не отметить это, и мой комплимент смягчил Басманова.

– Да, у Натальи была редкая естественная красота...

Я вернулась на место и задала следующий вопрос:

– Разве не могло получиться так, что вечеринка вашей жене наскучила и она решила вернуться домой на отцовской машине? Вы где живете?

– Мы договорились, что Наташа позвонит мне и я заеду за ней на машине. К тому же в крови у нее обнаружен алкоголь, что вполне естественно. Нет, вряд ли она собиралась сесть за руль. – Басманов покачал головой, его лицо стало чернее тучи. – В гараже ее пырнули ножом. Вероятно, Наташа сопротивлялась, ее платье было порвано, а каблуки туфель сломаны, но убийца, насколько мне известно, не оставил никаких следов.

– Кто ее обнаружил?

– Пенсионер Миющенко, сосед по гаражу. Он ставил свой «Москвич» в гараж, увидел, что рядом дверь приоткрыта, заглянул туда и... – Андрей Георгиевич прикрыл лицо рукой и еле выдавил из себя: – Он увидел Наталью всю в крови. Миющенко тут же вызвал «Скорую», милицию, позвонил Семеряковым, родителям Наташи...

– Гаражи, вероятно, неохраемые?

– Нет, они самовольной постройки, – уточнил чиновник. – Еще в советское время во дворе поставили несколько металлических гаражей, в девяностые обложили их кирпичом, но так и не оформили документы. Я говорил, как можно зарегистрировать право собственности, но, кажется, они так и не воспользовались моим советом.

– Милиция должна была делать поквартирный обход, – размышляла я вслух. – Неужели никто ничего не видел?

– Гаражи построены в таком закутке, что там никого не встретишь, а окон с торца дома нет. В общем, свидетелей не нашлось, – развел руками мой клиент.

– Вероятно, вы разговаривали с сотрудниками Натальи. Как они объясняют, почему она так рано ушла с банкета?

– Никто не заметил ее ухода, – сдавленным голосом сказал Басманов. – Там было море низкосортной водки. К тому же публику развлекали какие-то артисты... Я должен был настоять на своем и не пускать туда Наталью.

«Да, себя в ее смерти он совсем не винит. Другой сказал бы: если бы я пошел с ней, то ничего не случилось бы, а этот, вероятно, ни разу так не подумал. Кажется, он мне что-то недоговаривает, – подумалось мне. – Интересно, почему мы встретились не дома, а в этом

кабинете? Хоть бы чашечку кофе предложил! Или такой сервис не входит в обязанности пухленькой секретарши?» И тут Андрей Георгиевич, к моему великому удивлению, сообщил, что лимит времени на наше общение исчерпан, а стало быть, мне пора уходить.

– Андрей Георгиевич, я понимаю, вы очень занятой человек, но тем не менее прошу вас уделить мне еще немного времени. – Говоря это, я до глубины души поражаюсь самой себе.

Можно было подумать, что я пришла на прием к чиновнику со своей челобитной, отвлекая его от важных дел областного масштаба. Дела у заместителя начальника Управления капитального строительства, конечно, имелись: с минуты на минуту, по его словам, должно было начаться совещание. Но все-таки инициатором нашей встречи выступила не я, а хозяин этого кабинета, поэтому мне казалось, что он мог бы выбрать более удачное время для нашего общения или хотя бы немного поступиться своей пунктуальностью.

Моя напористость была все-таки вознаграждена: мне удалось заполучить некоторые адреса и телефоны, чтобы без проволочек заняться расследованием. Я попрощалась с Басмановым, но он уточнил, что уже вечером ждет звонка с отчетом.

В приемной собралось человек пятнадцать, при моем появлении практически у всех на лицах появилось недоумение. Секретарша посмотрела на часы и опять покачала головой. Совещание задержалось на пять минут, но разве это конец света?

«Хотя апокалипсис наступит в самое ближайшее время, если я срочно не выпью чашечку кофе или даже две, – подумала я, усаживаясь в свою „девятку“. – Ну и чинуша этот Басманов! Красив, конечно, но ужасный сноб и зануда... Где-то здесь, за углом, кажется, была кофейня. До дома без „Арабики“ я, пожалуй, не дотяну».

Глава 2

Тонизирующее действие кофе пошло мне на пользу, в голове сразу выстроился план действий. Если очень постараться, то сегодня еще можно успеть многое: заехать в фирму «Тарпластмет», осмотреть территорию около гаража, где произошло убийство, поговорить с родителями покойной, а затем связаться по телефону с единственной подругой Натальи – Вероникой Громушкиной.

Взяв курс на улицу Пушкина, где находилась фирма, в которой работала Наталья Басманова, я пыталась построить первые версии убийства. Их оказалось много, но ни одной я не могла пока отдать явное предпочтение. Все они были какими-то надуманными. Ну в самом деле, не всех же бухгалтеров убивают, потому что они в силу своей профессии знают очень много! За красивые глаза, если они смотрят не в ту сторону, и обворожительную улыбку, если она предназначена для кого-то другого, конечно, тоже можно получить «нож в спину», но это скорее исключение из правил. В наше время достаточно свободные нравы.

Требовалась такая «упрямая вещь», как факты, против которых не попрешь, но их у меня не было. Андрей Георгиевич оказался скуп на информацию о своей супруге. О нем самом за полчаса общения я смогла составить более полную картину, чем о Наталье.

«Что она была за птица? Какой у нее был характер, круг ее интересов? Не хотела быть домохозяйкой. Это правильно. Зачем закрывать себя в „золотой клетке“? Надо самовыражаться. Да и „клетка“, наверное, не такая уж золотая. Все-таки Басманов не бизнесмен, не хозяин заводов, дворцов, пароходов, а всего-то чиновник, причем не самый главный, а заместитель начальника, к тому же он вроде бы не берет „на лапу“. Или берет, когда много дают? И что это я все о нем да о нем! Меня должна интересовать она – жертва. Перед банкетом Наталья была в салоне красоты „Джулия“. Вот и он, справа: красивая вывеска, надо будет сходить сюда, маникюрчик сделать, о Басмановой поспрашивать, может, ее там запомнили... Так, а слева – „Тарпластмет“. Действительно рядом. Все, Таня, приехали». Я припарковала машину около двухэтажного кирпичного строения начала прошлого века.

Солидная металлическая дверь и новые пластиковые окна со стороны фасада сразу бросались в глаза, потому что контрастировали с полуобвалившейся вычурной лепниной на карнизе и трещиной между двумя ложными колоннами. Особнячок требовал основательного ремонта, желательно с сохранением прежнего архитектурного облика.

Впрочем, вся небольшая улица Пушкина состояла из подобных контрастов. Справа от «Тарпластмета» возводился высотный жилой дом элитной планировки, а слева дожидалась сноса деревянная избушка с печной трубой на крыше и маленькими окошечками, расположенными почти у земли.

При открывании тяжелой металлической двери зазвенел колокольчик. Из глубины выставочного зала тотчас вышел молодой человек в белой рубашке и с ослепительнейшей улыбкой.

– Что вас интересует: окна или двери? – спросил он.

«А почему, собственно, нет? – подумала я. – Почему меня не могут интересовать пластиковые окна и металлические двери? Разве я мало зарабатываю и не могу себе позволить сделать свою квартиру более комфортабельной и защищенной? Могу, но сейчас меня интересуют последние часы жизни Натальи Басмановой... А этот менеджер – просто душка! Такой улыбчивый. При других обстоятельствах можно было бы его и закадрить, но, право слово, сейчас не до этого и, увы, пока не до дверей с окнами».

– Молодой человек, – сказала я с придыханием, подойдя к менеджеру вплотную и глядя ему прямо в глаза, – мой интерес совсем другого рода. Дело в том, что я – частный детектив.

Мои слова и взгляд смутили парня, он свернул улыбку, отвел глаза в сторону и после некоторой паузы совсем без энтузиазма изрек:

– Я хотел бы вам чем-то помочь, но вряд ли смогу это сделать.

Я продолжала смотреть ему прямо в глаза.

– Вы, наверное, про Басманову хотите спросить? – не выдержав моего гипнотического взгляда, спросил молодой человек.

– Да. Вы, конечно, присутствовали на корпоративной вечеринке в прошлую субботу? – Я не сомневалась, что этот красавчик был там в центре женского внимания.

– Был, но... – Менеджер почему-то стушевался.

– Наталью Басманову видели? – На этот вопрос молодой человек кивнул головой, и я сразу же задала ему следующий: – А во сколько она ушла, случайно не обратили внимание?

– Дело в том, что я здесь недавно работаю, всего-то две недели, поэтому не всех сотрудников знаю в лицо. Какая Басманова собой, мне только потом рассказали.

– Ну и какая же она была?

– Красивая, – не задумываясь, ответил молоденький менеджер и покраснел. – В темно-синем платье с блестками. Наталья Владимировна несколько раз курить на улицу выходила с другими женщинами, может, когда и не вернулась. Я не следил за ней.

– Понятно. А с кем Наталья Владимировна курила, не помните?

– С кадровичкой, Оксаной Валерьевной, но та сейчас на больничном. Это точно. Мне справку надо взять, а я не могу... Остальных по имени пока не знаю.

Зазвенел колокольчик, и менеджер, виновато улыбнувшись, устремился к потенциальным заказчикам. Я огляделась и пошла к старинной кованой лестнице, ведущей на второй этаж, где, вероятно, располагались кабинеты офисных работников. Наверху мне сразу же преградила путь вахтерша пенсионного возраста, вскочившая из-за письменного стола, стоящего поперек длинного коридора.

– К кому? – строго спросила она, буравя меня своими маленькими хищными глазками.

Ее бледный морщинистый подбородок подергивался от напряженного ожидания ответа. Не приходилось сомневаться, что эта бабуля костями ляжет, но оградит вверенный ей объект от притязаний тех, кто не сможет обосновать цель своего визита. Для такого случая в моей сумочке лежал подходящий аргумент: просроченное удостоверение сотрудницы прокуратуры. Сунув под нос строгой вахтерше красные корочки, я важно сказала:

– Я к Турилкину. Можно?

Бабуля одернула полосатый жакет модного в семидесятых годах покроя, вытянулась по стойке «смирно» и отрапортовала:

– Глеба Романыча нет на месте. Никого из начальства нет.

– А в бухгалтерии кто-нибудь есть?

– Да, главбух, Костикова Тамара Ивановна, – не выдержав моего пристального взгляда, сказала вахтерша. – Но она просила ее не беспокоить, потому что отчетом занимается.

– Думаю, ко мне это замечание не относится. Я обязательно должна поговорить с Тамарой Ивановной.

– Здесь ремонт начался, поэтому Костикова временно в четвертом кабинете сидит, – пояснила вахтерша.

– Кстати, а вы в прошлую субботу на вечеринке присутствовали? – Мне показалось, что эта дотошная бабулька должна подмечать любые мелочи.

– Никак нет. Меня, конечно, приглашали, но такие гулянки не по мне, – призналась вахтерша, сморщив от пренебрежения нос. – Я не пью, танцы современные не признаю, потому что это – настоящий разврат. Смотреть на них даже противно, да и голова от шума болит.

Такой ответ меня слегка разочаровал, но я не теряла надежды, что кто-нибудь из сотрудников «Тарпластмета» обязательно расскажет мне подробности той вечеринки.

Широко распахнув дверь четвертого кабинета, я смерила Костикову своим пронизательным взглядом, выдержала некоторую паузу и представилась ей... следователем прокуратуры.

Конечно, можно было назваться, как есть, частным детективом, все равно вахтерша не поняла, какой именно документ ей показали, но я решила напустить на себя побольше важности.

Главбухша показалась мне женщиной претенциозной и, что особенно важно, не склонной к болтливости. Много общаясь в силу своей профессии с людьми, я давно подметила, что обладателей мелких черт лица очень трудно вывести на откровенный разговор.

– Опять из прокуратуры, – вздохнула Костикова, недовольно скривив рот. – Мы-то тут при чем?

– Наталья Владимировна была вашей сотрудницей, разве не так?

– Так, но убили-то ее не здесь, – сказала Тамара Ивановна, не отрываясь от компьютера. – Нечего вечерами по гаражам шляться! И вообще, если бы она не была женой Басманова, вы бы так не бегали друг за другом: то милиция, то прокуратура...

– Вы не очень-то любезны. Может быть, вам выписать повестку в прокуратуру? – Я была уверена, что подобное предложение Костиковой не понравится, а поставить ее на место следовало.

– Уж какая есть! – Бухгалтерша все-таки оторвалась от компьютера и развернулась в мою сторону. Надо сказать, что я все еще продолжала стоять у входа, не получив приглашения пройти. – У меня полугодовой отчет горит, но, так и быть, пять минут я вам уделю. Что еще вас интересует?

«Что-то сегодня меня все ограничивают во времени», – подумала я и решительно подошла к пустому столу у окна, за которым, вероятно, работала Басманова, выдвинула стул и усеялась на него.

– Тамара Ивановна, вы курите?

Мой вопрос слегка шокировал главную бухгалтершу. Она вытаращила на меня свои маленькие зеленые глазки, отчего стала похожа на кошку, увидевшую собаку, и не без гонора сказала:

– Нет, поэтому и вас прошу воздержаться от этого. Здесь не курительная комната!

– Ну, разумеется! – ухмыльнулась я. – Устраивать перекур еще рано, мы только начали беседовать. Я спросила об этом совсем по другому поводу. Меня интересует, не выходили ли вы во время той вечеринки вместе с Натальей на улицу, чтобы покурить?

– Нет, не выходила, – сказала Костикова, кокетливо расправляя рюшки на своей полупрозрачной блузке цвета морской волны.

– А может быть, вы заметили, когда она ушла?

– Нет, не заметила, – ответила Тамара Ивановна, любуясь своим маникюром.

– А в каком настроении была в тот вечер Наталья Владимировна?

– Я уже несколько раз вашим коллегам говорила, что ничего особенного или подозрительного в поведении Басмановой не заметила. Нельзя сказать, что она была возбуждена или подавлена. Выглядела Наталья, как всегда, на все сто...

Последнее замечание было сделано с плохо скрываемой завистью. Затем в нашем разговоре повисла пауза. Мне почему-то никак не могло прийти в голову, какой еще вопрос задать Костиковой. Я смотрела в окно, кстати, не пластиковое, а с деревянными рассохшимися рамами, и на уме была всякая чепуха, не относящаяся к делу. Я почему-то прониклась сочувствием к покойной, которая была вынуждена сидеть в одном кабинете с некурящей начальницей и смотреть в окно на серую загаженную птицами крышу какой-то пристройки.

Тамара Ивановна тут же воспользовалась моим замешательством и с ехидцей спросила:

– У вас ко мне все вопросы?

– А вы сами, Тамара Ивановна, ничего не хотите добавить?

– Нет, не хочу, – обрубил Костикова.

– Тогда у меня действительно больше вопросов к вам нет. – Я встала и подошла к выходу. – Работайте, составляйте отчет. До свидания.

Костикова даже не удосужилась ответить. Нет, мое самолюбие не было этим задето, но возникла неудовлетворенность от посещения «Тарпластмета». Не удалось узнать абсолютно ничего интересного, а ведь уже этим вечером Басманов ждал моего звонка с отчетом.

Завидев меня, вахтерша снова вытянулась в струнку и доложила, что Турилкин так и не появился. Впрочем, это обстоятельство меня как раз и обрадовало. Вряд ли директор рассказал бы мне что-нибудь существенное о сотруднице, погибшей при невыясненных обстоятельствах, причем вне стен этого здания. За такой информацией лучше обращаться к «низам», к тем самым монтажникам, сварщикам или уборщицам, которых сноб Басманов так сторонился.

– Скажите, я могу сейчас найти кого-нибудь из рабочих? – спросила я вахтершу и на всякий случай пояснила: – У меня возник личный вопрос по поводу дополнительного замка на металлическую дверь. Раз уж я здесь, то хотелось бы получить консультацию.

– А у нас внизу, в демонстрационном зале, есть мальчик, – пояснила бабулька. – Он как раз консультирует.

– Я с ним разговаривала, он здесь недавно работает, а мне с опытом человек нужен. – Я смотрела на бдительную вахтершу очень честными глазами, поэтому она не заподозрила никакого подвоха.

– Без нас, стариков, никак нельзя, – согласилась со мной бабулька. – Опытный, говорите, нужен человек... Тогда к Петровичу обратитесь. Сейчас дойдете до конца коридора, потом свернете направо, там ремонт, но пройти можно. Увидите лестницу, спуститесь по ней вниз и спросите Михал Петровича.

Последовав совету вахтерши, я спустилась вниз. Там, оказывается, располагался склад. Звать Петровича я не стала, потому что мне на глаза сразу попался мужчина помоложе, лет тридцати – тридцати двух, в синем комбинезоне. Он наверняка интересовался женщинами больше, чем пенсионер, а значит, мог поведать более пикантные подробности о вечеринке. Во всяком случае, на меня мужчина сразу обратил внимание и даже первым со мной заговорил.

– Девушка, вы ко мне в гости пожаловали? – У кладовщика был совершенно идиотский вид. – Симпатичная-то какая, прямо русалка... А меня Левой зовут.

– Очень приятно. Татьяна. – Я пожала протянутую руку.

– Мне тоже очень приятно. – Лева изумленно-радостно смотрел мне в глаза и чему-то глупо улыбался.

«Дурачок какой-то, – подумалось мне. – Такое ощущение, что он не видел женщин лет пять, потому что находился в психушке, а сегодня первый день как вышел на работу. Ладно, попытка не пытка, поговорю с этим чудиком. Придурки обычно любознательны и болтливы».

– Я хотела бы с вами, Лева, серьезно поговорить. Вы не уделите мне несколько минут?

– Да хоть всю оставшуюся жизнь! – восторженно воскликнул собеседник, откровенно заглядывая в вырез моего льняного пиджачка.

Мне пришлось несколько дистанцироваться от потенциального свидетеля и пояснить:

– Нет, так много я от вас не требую.

– А вы, Танечка, потребуйте! – воскликнул Лева и сделал шаг в мою сторону. – Я, между прочим, мужчина холостой...

– Балабол! – послышалось где-то в глубине помещения. – Человек по делу, наверное, пришел. Вы по поводу дополнения к вчерашнему заказу?

Я увидела пожилого седовласого мужчину в черном рабочем халате с рулеткой в руках и с шариковой ручкой за ухом. Вероятно, это и был тот самый мастеровитый Михаил Петрович. Я подумала, что четыре глаза – лучше, чем два, поэтому не помешает расспросить обоих кладовщиков.

– Нет, не по поводу заказа. Я – частный детектив, занимаюсь расследованием убийства Натальи Басмановой. – Мои слова заставили Леву посерьезнеть, а реакция Петровича мне была неизвестна: он снова спрятался за какие-то стеллажи. Повысив голос, я сказала: – Мужчины,

может быть, вы поможете мне восстановить некоторые подробности праздничного субботнего вечера?

– Поможем. – Лева охотно согласился. – Очень жалко Наталью Владимировну. Да вы проходите, проходите!

– Об этом вам, девушка, с начальством говорить надо. А мы – рабочие. Наше дело маленькое, – раздалось из-за стеллажей.

– Петрович, иди-ка сюда, надо помочь Татьяне, – крикнул Лева, за что я ему была очень благодарна. – Да вы садитесь, Танечка, вот табуреточка.

– Спасибо. – Присев, я перевела взгляд с молодого кладовщика на подошедшего Петровича. – Мужчины, вы были в субботу на банкете?

– Ага, – кивнул головой лопухий Лева. – Были, и я, и Петрович.

– Наталью Басманову там видели?

– Видели, – подтвердил Лева, а Михаил Петрович по-прежнему предпочел отмолчаться.

– Что-нибудь подозрительное случайно не заметили?

– Заметили, – ответил молодой собеседник.

– Что?

– Она ушла рано. Халявное застолье, а она ушла...

– Во сколько и почему вдруг так неожиданно? Что-нибудь случилось?

– Во сколько ушла, я не заметил, но, когда стали фокусы показывать, ее уже не было, – ответил Лева. – Знал бы, что ее ожидает, так не выпустил бы!

– Какие фокусы? – удивилась я.

– Самые обыкновенные: апельсин в шляпу кладешь, а потом бананы вынимаешь. Жуть как интересно! – оживился Лева.

– Кто же такие фокусы показывал?

– Артисты нас развлекали, – пояснил Михаил Петрович. – Сначала песни поздравительные пели, затем фокусы стали показывать, а что было потом, думаю, вам никто не расскажет...

– Почему?

– Пьяные все стали, – простодушно пояснил Лева, – в умат! Я еще никогда бесплатно так не напивался.

– Неужели все уж такие пьяные были?

– Все, – подтвердил Петрович. – На что уж я малопьющий, и то себя потом не помнил. Артисты развлекали, тосты разные говорили, вот и не удержался. Знал бы, что такая попойка выйдет, ни за что бы не пошел! Жена дома запилила, алкашом на старости лет назвала.

– А вы, Михаил Петрович, вместе с женой ходили на вечеринку?

– Нет, у нее давление накануне поднялось, и она не пошла.

– Понятно. – Я почему-то задумалась над тем, была ли Костикова тоже мертвецки пьяна, но из этических соображений не стала задавать этот компрометирующий вопрос. – Значит, когда фокусы начались, Басмановой уже не было. Это точно?

– Да, – уверенно подтвердил Лева. – Я вызвался помогать артистам, они предложили мне самому выбрать девушку. Хотел Наталью пригласить, она в нашей фирме самая красивая, но не нашел. За столом ее не было. Пришлось с Лидочкой фокус показывать, она тоже симпатичная.

– Во сколько это было?

– В восьмом часу, – ответил Михаил Петрович. – Знаете, я ведь с края стола сидел, недалеко от входа, но не видел, когда Наталья ушла. Она несколько раз курить выходила, но, кажется, всегда возвращалась. Проглядел, значит.

– Может быть, есть другой выход на улицу?

– Есть, – сказал Лева и махнул рукой куда-то за угол. – Здесь машины грузиться подъезжают. Только в тот день все закрыто было: и ворота, и склад.

– Нет, – сказал пожилой кладовщик. – Она могла уйти только через центральный выход, но я этого не заметил, хотя должен был.

– Петрович, значит, ты к Наташке тоже неровно дышал, если следил за ней? – усмехнулся Лева.

– Типун тебе на язык! – возмутился пенсионер и снова ушел за стеллажи.

Оставшись со мной наедине, Лева стал петь дифирамбы насчет того, что я не хуже Натальи Басмановой и нравлюсь ему не меньше, поэтому он хоть сейчас готов на мне жениться.

– Лева, разве вы не знаете, что Наталья Владимировна была замужем? – Мне захотелось несколько остудить сердечный пыл придурковатого кладовщика. – И я...

– А почему ж тогда она одна пришла? – перебил меня Лева. – Всех с супругами приглашали. Вот, я пока не женат, поэтому один был, невесту себе подыскивал. У Петровича жена заболела, это – причина уважительная, чтобы одному прийти. А что же Натальин муж, если он у нее, конечно, был? Почему он не пришел? Не любил ее, наверное? А может, это он ее убил?

– Не болтай лишнего! – возмутился Петрович из-за стеллажей. – Знаешь, кто муж у Натальи Владимировны? Большой человек, а ты его в убийцы записал. Балабол!

– Ну я ж не знал, что она была замужняя. А вы, Татьяна, замужем?

– Лев, вынуждена вас огорчить: я тоже замужем, – не моргнув глазом, соврала я. – И, к сожалению, должна с вами попрощаться. Спасибо за помощь.

Он приоткрыл рот, но так и не успел ничего сказать, потому что я быстро развернулась и вышла со склада. «Ну и контингент здесь! Теперь я понимаю Андрея Георгиевича. Пожалуй, на его месте я бы тоже не пошла на эту вечеринку. Да еще фокусы какие-то! Бананы вместо апельсинов, и люди незаметно исчезают. Одним словом, дурдом!» С этими мыслями я дошла до вахтерши.

– Пришел Глеб Романович, – заговорщицким тоном сообщила пожилая охранница, на которую мои красные корочки возымели просто магическое действие. – Злющий! Рвет и мечет. А Петрович-то дал консультацию?

– Да, спасибо, что к нему направили. А к директору я зайду в другой раз. – Я вполне отдавала себе отчет, что пытаться разговаривать Турилкина, находящегося не в духе, на мало приятную для него тему бессмысленно.

«В конце концов преступление произошло вне этих стен, очень может быть, что никто из сотрудников „Тарпластмета“ не сможет рассказать ничего существенного, даже если бы и хотел от всей души помочь следствию. Вдруг Басмановой стукнуло в голову уйти по-английски, не прощаясь, и она воспользовалась моментом, когда внимание всех было обращено на артистов. Лично я бы так и поступила, если бы мне что-то не понравилось. Один придурковатый Лева чего стоит! Представляю, с каким идиотским обожанием он смотрел на нее! Уж если он не заметил ухода Натальи, то про других и говорить нечего. В общем, не стоит терять здесь понапрасну время, а надо переходить к следующим пунктам моего плана». Я села в машину и поехала на улицу Советскую.

Глава 3

Свою «девятку» я оставила на парковке «Народной аптеки», расположенной в цоколе шестиэтажной «сталинки», где жили родители Натальи Басмановой.

Оказалось, что «Тарпластмет» находился почти напротив, только на параллельной улице. Был ли между ними проход напрямую, обнаружить с первого взгляда не удалось, во всяком случае на машине мне пришлось сделать полукруг. Двор был огорожен железобетонным забором, душевно разукрашенным любителями граффити. В общем, я попала в обыкновенный тарасовский дворик, тихий, уютный, находящийся в самом центре города. Конечно, бывают дома получше: с видом из окон на набережную Волги, а бывают и во много раз хуже: настоящие трущобы на рабоче-крестьянской окраине.

Оглядевшись, я пошла вдоль этого забора мимо детской площадки с качелями, металлической «паутиной» и деревянными «грибочками». Потом наткнулась на кирпичную стену, также художественно оформленную местными живописцами, и, обогнув ее, попала к фасадам четырех гаражей. Вероятно, в одном из них и произошло кровавое преступление. Внутреннее чутье подсказывало, что в крайнем слева, хотя Басманов этого не уточнял.

В одном Андрей Георгиевич оказался прав: место действительно было безлюдное и не просматриваемое из окон. Просто идеальное для убийства. Моего клиента очень волновал вопрос: зачем Наталья сюда пришла? Мне это, разумеется, тоже было интересно, но в отличие от Басманова, находящегося в полном недоумении, я легко придумала несколько причин, по которым его жена попала в гараж.

Одна версия, уже высказанная мной безутешному вдовцу, такова, что Наталья хотела побыстрее вернуться домой на отцовской машине, показалась ему нелогичной. Тем не менее я не спешила отказываться от нее.

«Подумаешь, что супруги договорились созвониться! Может быть, у нее мобильник сел, а оставаться на вечеринке было уже невозможно. Да, она выпила, но если в кошельке есть деньги, то это совсем не проблема. Пусть Басманов взятку не берет, но дэпээсники-то это делают, и с превеликим удовольствием! К тому же еще не факт, что ее бы остановили и стали к ней приставать с особым пристрастием. – Я попыталась вспомнить, когда мою „девятку“ в последний раз тормозил дорожный патруль. – Около двух недель назад или даже больше. Ладно, в конце концов Андрей Георгиевич лучше знал свою жену, возможно, она на самом деле не собиралась садиться за руль. Как насчет других версий? Да сколько угодно! Назначила здесь кому-нибудь свидание или хотела кокаинчика подальше от посторонних глаз понюхать... Смело, но не так уж невозможно, хотя Басманову это уж совсем не понравится».

Вопрос о том, зачем Наталья сюда пришла, был все-таки второстепенным, а главными я считала два других: кто и почему ее убил. Само место преступления натолкнуло меня на мысль, что убийство могло быть непреднамеренным – какой-нибудь отморозок просто увидел в глухом закутке молодую красивую женщину, и в его башке, не обремененной рассудком, созрел молниеносный план об изнасиловании или грабеже сумочки и ювелирных украшений.

«Правда, Басманов сказал, что ограбления не было, – вспомнила я, – но борьба была, потому что одежда на Наталье оказалась порванной. Об изнасиловании или его попытке Андрей Георгиевич умолчал, это понятно... Не исключено, что негодяй что-нибудь спугнуло и тот не довел задуманное до конца. Надо будет связаться с Кирьяновым и попросить его раздобыть материалы следствия».

Едва я подумала об этом, как почувствовала чей-то взгляд.

Оглянувшись, увидела мужчину лет пятидесяти пяти в очках и с пышными седыми усами. На нем была темно-коричневая рубашка, застегнутая на все пуговицы, но без галстука.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, мне почему-то показалось, что это отец Натальи – Семеряков Владимир Валентинович, но я не успела заговорить с ним первой.

– Вы, верно, сыщица? – спросил он, удивив меня своей прозорливостью.

– Как вы догадались?

– Мне Андрей звонил и сказал насчет вас. А я в гараж убраться иду, увидел вас и догадался. Нет, и сегодня не смогу зайти... Вот каждый день подойду сюда, постою у ворот и уйду. – Голос Владимира Валентиновича задрожал, на глаза навернулись слезы. – Как же это так, а? Кому наша дочка помешала?

– Именно это я и собираюсь выяснить. Меня зовут Татьяна, я занимаюсь частным сыском не первый год. Думаю, что с этим расследованием тоже справлюсь.

– Пустое, Наташу уже не вернешь. – Семеряков обошел меня и дрожащей рукой поднес ключи к замку, но открывать так и не стал. – Если милиция по горячим следам найти убийцу не может, разве вам это под силу?

– Понимаете, Владимир Валентинович, в милиции и прокуратуре сразу несколько дел в производстве, а я сосредоточиваюсь на одном... Позвольте, я открою гараж. – Все-таки внутреннее чутье меня не подвело, гараж, где произошла трагедия, оказался крайним слева.

Семеряков еще немного колебался и отдал мне ключи. Я открыла замок и толкнула дверь внутрь. Широкая полоска света разделила на две части темное пространство гаража. Мои глаза сначала наткнулись на заднее стекло «Нивы», забрызганное кровью, затем я инстинктивно опустила взгляд на бетонный пол и увидела очерченное мелом место, где лежал труп Натальи.

– Там вымыть все надо, – сдавленным голосом сказал Владимир Валентинович, – но я не могу. А Нелли, Наташина мама, тем более... Она даже разговаривать перестала, лежит и смотрит в потолок...

Я вполне понимала Семеряковых: зрелище действительно было не для слабонервных, даже меня бросило в ледяной пот, хотя мне доводилось не раз осматривать не только место кровавого преступления, но и сами трупы. Нормальный человек не может относиться к смерти равнодушно.

– Ей нанесли глубокое ножевое ранение, смерть наступила мгновенно, – сказал Владимир Валентинович, так и не решаясь зайти в гараж.

– Можно я здесь все осмотрю?

– Смотрите, милиция тоже что-то искала, но вроде бы ничего не нашла.

Я включила в гараже свет и стала внимательно разглядывать бетонный пол. На нем не оказалось ничего интересного.

– Скажите, Владимир Валентинович, а машина была закрыта? – крикнула я Семерякову.

– Да, и ворота закрыты, и снаружи, и изнутри. Наверное, она вошла через калитку, а следом зашел кто-то другой и ударил ножом в спину, – предположил отец погибшей.

– Андрей Георгиевич сказал мне, что Наталья, возможно, сопротивлялась, потому что платье было порвано...

– Так-то оно так, но вот вырванного кусочка от платья здесь не нашли и каблука одного тоже. Может быть, ирод с собой их унес, а может быть, он напал на нее где-то в другом месте. Она вырвалась, хотела здесь укрыться, но он ее выследил. – За разговором Семеряков переступил через свой страх и зашел в гараж.

Он тупо смотрел на очертания трупы своей дочери. В его глазах уже не было слез. Мне показалось, что Владимир Валентинович находился в какой-то прострации, поэтому задавать ему сейчас какие-то вопросы было глупо. Я думала над его последними словами: над тем, куда делся каблук и клочок вырванного платья. «Неужели убийца был еще и фетишистом? – спросила я себя. – Нет, обычно они трусики коллекционируют, а не сломанные каблуки. Хотя все может быть».

– Мы с Нелли только и думаем о том, как это произошло, – подал голос Семеряков. – Знаете, какой вариант кажется нам наиболее вероятным?

– Какой?

– Допустим, Наташе наскучило на вечеринке, и она решила зайти к нам в гости. По дороге к ней пристал маньяк, она от него сумела вырваться, а домой идти в рваном платье постеснялась, вдруг соседей бы встретила... Она ведь очень трепетно относилась к своему внешнему виду, поэтому решила укрыться в гараже. Может, позвонила бы оттуда нам или мужу. Дальше я вам уже говорил...

Версия насчет маньяка показалась мне вполне правдоподобной, только с одной поправкой: зайти к родителям она, скорее всего, не постеснялась, а почему-то решила, что укрыться в гараже будет безопаснее, но просчиталась.

– Скажите, Владимир Валентинович, а есть ли проход напрямую от «Тарпластмета» в ваш двор?

– Раньше был, а теперь нет: забор поставили. Хотя пацаны, конечно, сигают туда-сюда. Там за углом кирпичный забор пониже.

– Я на машине по Хвалынской ехала, потому что движение одностороннее, а если пешком идти, то где ближе: по Хвалынской или по Горького?

– Практически одинаково. Разница в двух-трех минутах. Наташа обычно по улице Горького ходила. Она у нас единственная дочь... была. Как мы радовались, что замуж удачно вышла! Три месяца только прожила с Андреем и ушла от нас от всех навсегда. Я жив, а дочки больше нет – это как-то в голове не укладывается! Я вас очень прошу: вы все вопросы мне задайте, а с Нелли говорить не надо. Не бередите ее душу.

– Владимир Валентинович, скажите, чем занималась ваша дочь в свободное время?

– То есть?

– Может быть, она в бассейн ходила, шейпингом занималась или еще чем-то? – пояснила я.

– Нет, у нее семья, не до кружков. Это все в далеком прошлом.

Других вопросов к Семерякову у меня пока не было, а вот одна просьба созрела. Несколько секунд я колебалась: обращаться ли с ней к убитому горем отцу, но потом все-таки рискнула.

– Владимир Валентинович, давайте кое-что проверим...

– Как это? Что? – немного испугался Семеряков.

– Мы сейчас выйдем, затем я только перешагну через железку, а вы сразу же, не заходя, ударите меня со всей силы по спине кулаком.

После минуты раздумий Семеряков согласился. Несмотря на то что мне удалось удержаться на ногах, я смогла мысленно спроецировать падение и уже не сомневалась, что первая встреча жертвы и преступника, при которой сломался каблук и вырвался клочок от платья, произошла где-то в другом месте, а здесь состоялась неожиданная развязка.

«Почему неожиданная? – спросила я себя и тут же ответила: – К преступнику не встают спиной. Если Наталья открывала гараж, значит, была уверена, что рядом никого нет. А может, она знала нападавшего? В первом случае злодей мог неожиданно прыгнуть с забора или подъехать на машине. Возможно, она слишком долго возилась с замком, не рассчитала время и оказалась в ловушке. А во втором случае преступников было по меньшей мере двое, но Наталья об этом не догадывалась. Допустим, кто-то ее пас, а потом нанес удар. Такое возможно, но... маловероятно».

– Ну что, эксперимент чем-нибудь помог? – прервал мои размышления Семеряков.

– Да, он подтвердил вашу версию. Думаю, вы ошиблись только в одном: злодей не заходил в гараж. Он нанес свой удар, находясь на улице, поэтому милиция и не нашла внутри никаких следов. Если это было убийство с целью грабежа, то драгоценности остались при Наталье

только потому, что преступника что-то спугнуло. Допустим, он услышал шум подъезжающего автомобиля и временно отказался от своих планов, прикрыл дверь, намереваясь вернуться, а сам перемахнул через забор.

– Не всякий человек сможет это сделать. – Семеряков оценивающе посмотрел на забор.

– В том-то и дело, что речь идет не о среднестатистическом человеке. Убить намного сложнее, чем перепрыгнуть через забор. Вот смотрите: на вашем гараже есть кирпичные выступы. Одну ногу ставишь сюда, вторую – сюда, подтягиваешься и через несколько секунд уже вне поля зрения. – Я вполне могла бы продемонстрировать, как это делается, но не хотела пачкать новый костюм.

– Вы правы. Возможно, как раз Миющенко и спугнул его. Это наш сосед. Он-то и обнаружил Наталью.

– Думаю, если бы все было тихо, то есть вашему соседу не пришло бы в голову открыть дверь, то злоумышленник мог бы вернуться. А так, находясь по ту сторону забора, он слышал звонки в «Скорую» и в милицию. Интересно, опергруппа такую версию не рассматривала?

– Не знаю, я был как в бреду... Хотя они удивлялись, что нет следов, и даже предположили, что бандит был в бахилах.

– Какая глупость! Вряд ли убийство было преднамеренным. Владимир Валентинович, я понимаю, что неоригинальна в своем следующем вопросе, но все-таки скажите: у Натальи были враги?

– О чем вы говорите? Какие враги? Это у крупных бизнесменов или бандитов враги бывают, а Наташа простым бухгалтером работала.

– А какие у нее отношения с сотрудниками были?

– Нормальные, хотя начальница, конечно, строгая была, придиралась к ней по любому поводу. Знаете, даже не доверяла ей: баланс сама всегда сводила, думала, что Наташа не справится. А совсем недавно Костикова ее зуб не отпустила лечить, пошла на открытый конфликт. Но это так, мелочи, дочка все равно вскоре на другую работу переходить собиралась. Андрей ее в свое управление брал.

– Да, он говорил мне об этом.

– А вообще-то Наташа неконфликтная, ей всегда всех жалко, может чужую вину на себя взять. – Семеряков говорил о своей дочери в настоящем времени, будто она была жива. – В фирме один дурачок есть, какой-то родственник директора, так он ей прохода не дает, в любви постоянно объясняется, даже жениться обещал. Наташа о нем часто нам рассказывает. Мать ее спрашивает: что же ты ему не скажешь, что замуж вышла? А она говорит, что надо с уважением относиться к чувствам: раз любит, то пусть любит. Представляете, Таня, наша дочка думает, что для него эта любовь – смысл жизни...

– Разговаривала я сегодня с этим дурачком. Его Лево́й зовут, да?

– Точно, Лева Казинец.

«Уж не Лева ли убийца? – пронеслось в моей голове. – Он, конечно, псих, но и у них бывают просветы, вот он и пытался мне доказать, что никуда не выходил, а был у всех на виду, фокусы показывал. А что, это вариант! Допустим, он достал Наталью на вечеринке своим ухажерством, она ушла, он – за ней...»

– Владимир Валентинович, а вы милиции о Леве рассказывали?

– Нет, это сейчас к слову пришлось. Татьяна, неужели вы думаете, что это он? – Семеряков очень удивился, похоже, мое предположение показалось ему абсурдным.

– Я ничего не могу утверждать наверняка, но поработать над этой версией стоит.

– Возможно, вы и правы, от психа чего угодно можно ожидать. Не будь он родственником Турилкина, не работал бы в фирме. Вы Андрею расскажете о Леве?

– Конечно, ведь меня нанял Басманов, и уже сегодня вечером я должна отчитаться о проделанной работе.

– Татьяна, тут вот какое дело. – Семеряков замялся. – Я не знаю, как вам об этом сказать, вопрос очень деликатный...

– Владимир Валентинович, говорите как есть. Я постараюсь войти в ваше положение.

– Дело в том, что Андрей очень ревнив. Он разошелся с первой женой, потому что приревновал ее, даже ребенок, сын, не остановил его от развода. Я, конечно, не знаю всех тонкостей, возможно, она действительно ему изменяла, но Андрей мог, по-моему, и напридумывать себе лишнего. На свадьбе Наталья с моим младшим братом танцевала, он из Тюмени специально на торжество приехал, так Андрей чуть ему по физиономии не съездил. Еле конфликт уладили. Конечно, Басманов – хорошая партия для нашей дочери: с положением, любит ее, но вот ревнивый. Наталья очень красивая, вся в мать, на нее многие заглядываются, я к этому всегда очень спокойно относился, а вот Андрей... Словом, мне бы не хотелось, чтобы он плохо думал о нашей дочери. Мало ли что ему в голову взбредет! Знаете, о мертвых принято говорить и думать хорошо. – Семеряков немного помолчал, а потом добавил: – Татьяна, вы только не считайте, что мы с Нелли Андрея подозреваем, будто он мог из ревности... Наша дочь вышла замуж по любви и не давала поводов для ревности. Вы не подумайте...

– Нет, нет, я так не подумала, – успокоила я Владимира Валентиновича, хотя на самом деле в моей душе что-то сработало против Басманова.

«А может, это действительно он? Нет, тогда зачем ему меня нанимать? Глупости все это! Басманов – мой клиент, он платит мне деньги, поэтому я должна быть с ним откровенной, хотя Семерякова тоже понять можно». Немного подумав, я решила, что смогу найти в данной ситуации компромисс.

– Владимир Валентинович, я не стану заострять внимание Басманова на «чувствах» Левы. Для начала ограничусь сообщением о том, что на вечеринке был психический, поведение которого может быть непредсказуемо.

– Спасибо. Знаете, Татьяна, а ведь благодаря вам я смог переступить через себя и зайти в гараж. Пожалуй, сегодня я смогу заняться здесь уборкой.

Я на всякий случай дала Семерякову свою визитку, и на том мы расстались. Нет, сразу садиться за руль своей «девятки» я не собиралась, а решила пешком обойти квартал, ограниченный улицами Советской, Хвалынской, Пушкина и Горького. Этот маршрут мог натолкнуть меня на какую-нибудь свеженькую идейку, а может быть, в какой-нибудь подворотне нашелся бы сломанный каблук.

Несколько дней назад в Тарасове был ураганный ветер, после которого дворники еще не успели навести порядок. В поле моего зрения попало бесчисленное множество пивных банок и пластиковых бутылок от всевозможных прохладительных напитков, упаковки от чипсов, сухариков, орешков и шоколадных батончиков, окурки, пуговицы и даже юбилейная монета в десять рублей, которую я, не поленившись, подняла. Каблук же так и не обнаружился.

Оказалось, что я беседовала с Семеряковым около двух часов. Владимир Валентинович, к счастью, не ограничивал меня во времени и выдал необходимую информацию. Итак, появился первый подозреваемый – имеющий психиатрическую патологию кладовщик Лева Казинец, родственник директора.

Когда я проходила мимо «Тарпластмета», был уже седьмой час вечера, поэтому побеседовать с кем-нибудь, например с Михаилом Петровичем, о Леве не представлялось возможным: фирма была уже закрыта.

Я пошла дальше. На втором полукруге уличный мусор был такой же: банки, бутылки, упаковки, – исключение составляли стоптанная детская сандалия, лежащая на газоне в траве, и старенькие кроссовки приблизительно сорок четвертого размера, стоящие около входа в магазин «Фристайл».

Вернувшись к «девятке», я решила позвонить подруге Натальи, Веронике Громушкиной, которая, по словам Басманова, жила неподалеку от Семеряковых.

Глава 4

Мой телефонный звонок весьма удивил Веронику, но она сразу же согласилась встретиться и даже пригласила к себе. Нельзя сказать, что она жила в двух шагах от родителей Натальи. Пришлось проехать два квартала на машине, а потом еще поискать на улице Боголюбова дом номер 28-г. Я не сразу обнаружила в тихом дворике этот двухэтажный домишко, спрятавшийся за чередой посаженных очень близко друг к другу пирамидальных тополей. Похоже, Громушкина жила в коммуналке: на косяке двери во вторую квартиру располагались четыре разноцветных звонка. Я прочитала подписи к каждой кнопке и пришла к выводу, что мне надо нажать на самую верхнюю.

– Проходите, – сказала мне высокая худая девушка в мини-юбке и топики. У нее была очень короткая, почти мужская стрижка, которая, впрочем, ничуть не портила ее, а скорее подчеркивала правильные, не лишённые привлекательности черты лица. – Значит, Басманов, говорите, вас нанял? Очень любопытно! Зачем ему это понадобилось, интересно? Рискует...

– То есть как это зачем? Чем рискует? Андрей Георгиевич хочет побыстрее узнать, кто убил его жену и за что. Нормальный ход. Ко мне многие обращаются в подобной ситуации. – Я специально дразнила эмоциональную Веронику, следуя за ней по длинному коридору коммунальной квартиры. Чувствовалось, что у девушки свои соображения по поводу убийства подружки, и мне хотелось их непременно услышать. – Басманов сказал, что вы были самой близкой подружкой его жены. Это так?

– Он вам так сказал, правда? Удивительно, что он обо мне вспомнил! – Громушкина распахнула широкую дверь и пропустила меня вперед. – Он ведь меня терпеть не может...

– Почему? – спросила я, оглядываясь на хозяйку и чуть поднимая голову вверх.

Что поделаешь? Вероника была намного выше меня! Она таинственно улыбнулась, но промолчала. В общем-то ответ на этот вопрос и так был известен. Наверняка мой клиент не относил Громушкину, проживающую в коммунальной квартире, к «своему» кругу. Словно прочитав мои мысли, она сказала:

– Басманов слишком высокомерный... Разве вы этого сами не заметили? Надменность так и прет из него. Да вы присаживайтесь!

– Спасибо. – Я опустилась в покрытое потертым плюшевым пледом кресло, а Вероника уселась напротив меня на старенький диван.

– Представляете, ему не нравилось, что я без предупреждения приходила к Наташке. Его бесило то, что мы долго разговаривали с ней по телефону. Он называл это – вечерний треп. В последнее время он ее вообще не отпускал ко мне. Говорил, что здесь гадючник. Слово-то какое подобрал! Однажды Наталья забежала ко мне после работы, мы заболтались, потом она позвонила мужу, попросила приехать за ней. Басманов приехал. – Вероника горько усмехнулась. – Зашел сюда с таким брезгливым видом, а я взяла и сказала ему, что он, сидя в своем кресле, наверное, думал: все тарасовцы уже живут в его новостройках... Короче, он мне ничего не ответил, а взял Наташу за руку и вывел за дверь.

– Да, бывает, что люди не находят общего языка. Вы, Вероника, были с ним не слишком учтивы, Андрей Георгиевич к такому не привык.

– Да, я такая! – с достоинством сказала девушка. – Всегда говорю что думаю. А вы, Татьяна, наверное, готовы лебезить перед Басмановым, раз он платит.

– Почему же сразу лебезить? Конечно, существует определенная этика общения с клиентами, но интересы расследования превыше всего...

– Интересы расследования, – передразнила меня Громушкина. – Хотите знать мое мнение относительно того, кто убил Наташку?

– Хочу, – ответила я.

– Басманов это и сделал, – сказала Вероника, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Да, я думаю, что убийца – он.

Разумеется, столь смелое заявление меня шокировало, но я старалась сохранить невозмутимость и спокойно попросила аргументировать такое предположение. Наверное, Громушкина ожидала от меня более бурной реакции, но поскольку ее не последовало, то она вся как-то сникла и только после продолжительной паузы стала пояснять свою позицию.

– Знаете, Басманов денег на ветер не бросает, проще говоря, он – скупердяй и вдруг раскошелился на услуги частного детектива! Интересно, сколько он вам платит? Правда, сколько?

– Это коммерческая тайна.

– Жаль. – Мой ответ сильно разочаровал девушку. – Наташка как-то купила себе новую сумку, а ему – галстук, чтоб не обидно было, но они все равно поцапались из-за этих незапланированных покупок... Андрюша обвинял Наташку, что она неэкономная, деньги тратит необдуманно. Так вот судите сами: какой ему смысл нанимать частного детектива, тратить, если расследованием бесплатно занимается милиция? А знаете, что я по этому поводу думаю: Басманов хочет пустить людям пыль в глаза, вроде бы заинтересован в поимке убийцы... Кстати, вы знаете, что у него самого алиби нет?

Разумеется, этого важного обстоятельства я не знала, поэтому вместо ответа неопределенно мотнула головой и спросила:

– А вы-то откуда это знаете?

– Следователь проболтался. Он меня насчет Басманова расспрашивал, ну я его и разговорила... Скажите, Татьяна, а кто дал вам номер моего телефона – Наташины родители или Андрюша? – Имя Басманова Вероника произнесла с оттенком пренебрежения.

– Какое это имеет значение?

– А все-таки?

– Басманов.

– Ну вот видите! – Вероника аж подскочила. – Андрюша знает, что я его недолюбливаю, впрочем, как и он меня, поэтому то обстоятельство, что он нанял вас, должно бы изменить мое мнение о нем. Но как бы не так! Чувствовала я, что на беду Наташка за него замуж вышла, отговаривала ее... А она говорит: это любовь.

Не берусь описать охватившее меня смятение: неужели мой клиент на самом деле убийца? В обвинительных словах Громушкиной вполне могла быть доля истины. Моя богатая детективная практика показывала, что нередко клиенты пытаются водить за нос. К счастью, мне в конечном итоге удавалось вывести их на чистую воду и востребовать дополнительное вознаграждение за моральные издержки. Неужели это такой же случай? Те-то клиенты занимались бизнесом, граничащим с криминалом, а Басманов – ответственный работник областного ведомства!

– Предположим, Басманов убил свою жену, но какой у него был мотив? – спросила я без особого выражения.

– Ревность, – ни секунды не размышляя, ответила Вероника. – Андрюша ревновал Наташку без всякого повода, а уж после того, как подслушал один телефонный звонок, у него вообще появилась идея фикс, будто она собирается наставить ему рога. Удивляюсь, что он ее на вечеринку отпустил одну... А может быть, и не отпускал, а она все равно ушла.

– Что это за телефонный звонок?

– Вскоре после свадьбы Наталье позвонил Колька Егоров, ее первая любовь, поздравил и сказал, что будет ждать, когда она разойдется со своим чиновником, и тогда уж они непременно поженятся. Андрюша подслушал это и закатил скандал. Наташка говорила, что при любом удобном случае супруг попрекал ее прежней связью с Егоровым.

– Из всего сказанного следует, что Басмановы жили плохо, ругались по любому поводу, так?

– В том-то и дело, что не совсем так. У Натальи был такой уживчивый характер! Она мало внимания обращала на все упреки и запреты мужа и, что удивительно, все равно делала что хотела, хотя на словах с Андрюшей и соглашалась. Как вы думаете, Татьяна, к чему мог привести такой брак?

– В худшем случае – к разводу. – Я говорила вполне искренне, так как, проанализировав ситуацию, пришла к выводу, что Громушкина перегибает палку, обвиняя Басманова.

– Я вас не убедила, – разочарованно сказала Вероника. – А вы знаете, что Андрюша бил свою первую жену?

– Нет, не знаю.

– А я вот знаю. У меня нашлась одна общая знакомая с ней, мир, как говорится, тесен. Вам рассказать некоторые подробности, чтобы вы могли составить психологический портрет своего клиента?

– Не надо. – Информация, которую собиралась поведать мне Вероника, была получена ей не из первых уст, поэтому подобно детской игре в «испорченный телефон» могла полностью исказить реальность. – Верю на слово. Похоже, вы хорошо осведомлены о многом, в том числе и о сердечных делах своей подруги.

– Да, это так, а она – о моих.

– А что-нибудь о Леве Казинце вы слышали?

– Этот дурачок Наташке прохода не давал, а она его жалела, говорила, что ей на том свете зачтется эта добродетель.

– А что вы понимаете под словом «жалела»?

– Лично я на ее месте послала бы этого чокнутого подальше и все, а она слушала его бредни. Ничего, конечно, не обещала, но и не отталкивала. Неужели вы всерьез думаете: это Лева Наталью убил? Он глуповат, но не буйный.

– А я включила его в число моих подозреваемых.

– Зря время теряете. Говорю же вам: займитесь лучше Андрюшей. – Это замечание меня просто вывело из себя, но я промолчала и через мгновение с самым непринужденным видом спросила ее:

– Кстати, Вероника, а где вы сами были в момент убийства?

Как интересно было наблюдать за реакцией этой доморощенной сыщицы, считающей, что ей удалось раскрыть убийство по счету «раз»! Зрачки ее глаз расширились, щеки побагровели, а рот напомнил заглавную букву «о».

– О-ля-ля! Вы меня в убийцы, что ли, записали? Между прочим, у меня есть стопроцентное алиби, – быстро справившись со своими эмоциями, сказала Громушкина. – Но, кстати сказать, я не обязана перед вами отчитываться. Примите к сведению, что следователю известно, где я находилась в тот вечер.

– Так он вас об этом тоже спрашивал? – Вопрос в принципе был риторический, но так хотелось насладиться впечатлениями от него. Впрочем, портить взаимоотношения с этой болтушкой в мои планы совсем не входило, поэтому я добавила: – Конечно, вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Это я так, для порядка спросила. Уж вам-то не было никакого смысла убивать Наталью, например, чтобы выйти замуж за Басманова. Вы же его не любите и он вас, так?

– Терпеть друг друга не можем, – процедила сквозь зубы Громушкина.

– Тогда давайте вернемся к Николаю Егорову.

– Вы что же считаете: это его рук дело? Нет, Колька не мог пойти на такое, – все еще продолжая на меня дуться, сказала Вероника.

– Никто не знает, что на уме у человека, чувства которого уязвлены. Если он – первая любовь Натальи, то почему у них ничего не получилось?

– Они какое-то время жили вместе, не расписываясь, но возникли материальные трудности, и все разладилось... Колька остался без работы, а жить за Наташкин счет не хотел. Когда же он нашел работу, то Семерякова уже с Андрюшей познакомилась.

– Интересно, каким образом? – спросила я и совершила величайшую глупость.

Вероника почувствовала, что я впервые проявила к ее словам нескрываемый интерес, и решила помучить меня.

– Это не имеет никакого отношения к делу, – сказала она, лукаво прищутив глазки.

– Действительно, не имеет. Пожалуй, я пойду, – сказала я усталым голосом.

Такой поворот событий Веронику тоже не устраивал, похоже, ей хотелось еще поиграть в детектива. Тактический прием сработал, Громушкина меня задержала, и в конце концов я узнала все, что хотела. Обстоятельства знакомства Натальи и Андрея Георгиевича на самом деле не имели никакого отношения к расследованию.

Оказалось, что служебный автомобиль Басманова обрызгал стоящую на тротуаре Наталью, и она пригрозила вслед ему рукой. «Нексия» дала задний ход, и чиновник, сраженный красотой обиженной девушки, извинился за своего водителя и предложил подвезти ее.

– Начиналось все, как в сказке, только эта сказка оказалась с очень печальным концом! – попытожила Громушкина. – Как знать, если бы Наташка вышла замуж не за принца, а за нищего, то, возможно, жила бы с ним долго и счастливо...

– А нищий – это Егоров?

– Да, Колька, наш одноклассник, – подтвердила Вероника и рассказала историю первой любви Егорова и Семеряковой.

Несмотря на симпатии Громушкиной, Николай вызывал у меня подозрения, потому что он так и не смирился с замужеством Натальи. Неизвестно где раздобыв номера ее нового домашнего и сотового телефонов, Егоров постоянно звонил, не обращая внимания на запреты, караулил Наталью около «Тарпластмета», а вот на похороны не пришел. Короче, проверить его не мешало. А Басманова?

Да, подруга убиенной смогла бросить тень сомнения на моего клиента. А почему я, собственно, должна пренебрегать показаниями Громушкиной? Уж не такие они и абсурдные, в них есть своя логика. Преступникам свойственно запутывать следы. Может быть, это как раз такой случай? В общем, после разговора с Вероникой у меня появилось еще два подозреваемых: Егоров и Басманов.

Я ехала домой и думала о том, что неплохо поработала сегодня. С другой стороны, мне скорее хотелось задать Андрею Георгиевичу несколько изобличающих вопросов, нежели отчитываться перед ним о проделанной работе. Только, прежде чем уличать Басманова в убийстве, надо иметь в руках конкретные факты, а не предположения. Даже отсутствие алиби – информация непроверенная, поэтому оперировать ею я не могла.

«Вероятно, придется рассказать Андрею Георгиевичу о двух других подозреваемых, но я обещала отцу Натальи, что не буду понапрасну порочить ее честное имя». Только теперь я поняла, что это обещание было опрометчивым, сделанным под впечатлением, а частный детектив должен быть бесстрастным. К людям моей профессии вполне можно отнести слова Железного Феликса о чекистах: нам тоже надо иметь холодную голову, чистые руки, а что касается горячего сердца, то это уже по обстоятельствам.

Глава 5

Вернувшись домой, я, разумеется, не стала сразу же звонить своему клиенту. Обсуждать столь конфиденциальный вопрос, как ход частного расследования, по телефону, на мой взгляд, неприемлемо. Своего домашнего адреса Басманов мне так и не назвал, но я выведала его у болтливой Вероники. Заместитель начальника областного Управления капитального строительства проживал не в душном и пыльном центре города, а в экологически чистом коттеджном поселке Ново-Юбилейном. Признаюсь, что хотела нагрянуть к нему неожиданно, но быстро отказалась от этой затеи. Не стоило пороть горячку.

Переступив порог своей квартиры, я сразу же бросилась... нет, не варить кофе, хотя мне его очень хотелось, а разыскивать двенадцатигранные гадальные кости. Обычно всегда таскаю их с собой, потому что не знаешь, когда может понадобиться «магическая» помощь, но недавно они куда-то затерялись.

Мне не хотелось верить, что я потеряла свои двенадцатигранники. Это было бы для меня сродни потере хорошего друга, который всегда даст дельный совет.

Битый час я искала кости, но так и не нашла их. Желудок настойчиво просил чего-нибудь съестного, поэтому я решила для начала приготовить ужин и, конечно же, сварить кофе. Каково же было мое удивление, когда в подвесном шкафчике за новой пачкой «Арабики» я обнаружила то, что искала! И сразу вспомнила, каким образом двенадцатигранники туда попали: два дня назад я разгружала сумку с продуктами, в которой лежали и мои «помощники», раздался телефонный звонок, и я машинально все убрала в шкаф.

Пропажа нашлась, и я тут же решила разузнать: причастен ли кто-то из трех подозреваемых к убийству в гараже.

Мысленно сосредоточившись на своем вопросе, я бросила на стол магические кости, но одна из них, наткнувшись на кофейную чашку, остановилась не на грани, а на ребре. Вот так задача! Неужели гадание не удалось, и надо перебрасывать двенадцатигранник?

На всякий случай я решила узнать, какие ответы получились бы, если одна косточка все-таки упала бы на одну из двух спорных граней – на семерку или восьмерку. В первом случае получалось сочетание чисел: «30+16+7», что означает: «Никто не делается злодеем без расчета и ожидаемой выгоды». Во втором случае трактовка имела совершенно иной смысл: «Не ошибается тот, кто ничего не делает, но только глупец упорствует в ошибке».

«А если ситуация такая сложная, что ее нельзя прокомментировать однозначно? – Немного подумав, я пришла к выводу, что формулировки дополняют друг друга. – Первая означает, что убийцу надо искать среди тех, кому смерть Натальи была выгодна. Значит, убийство было спланированным. А если принять во внимание вторую трактовку, то оказывается, что убийца совершил какой-то просчет или убийство не принесло ожидаемой выгоды. Стоп! Дальше речь шла о глупце. Неужели это прямое указание на Леву Казинца? Он со своей больной психикой мог придумать миллион причин для кровавого преступления, и, естественно, его расчет в конечном итоге оказался ошибкой. Так, а могут ли предсказания относиться к двум другим подозреваемым? Первое теоретически может, а второе – „30+16+8“ скорее касается лично меня. Надо проверить каждого, но не слишком упорствовать. Если доказательства вины не будут лежать на поверхности, то, наверное, не стоит копать глубже».

Отложив в сторону двенадцатигранники, я принялась варить кофе. Звонить Басманову, не испив чашку этого ароматного тонизирующего напитка, означало заранее загубить разговор. Андрей Георгиевич был весьма непредсказуемым человеком, поэтому к разговору с ним надо было морально подготовиться. Самые лучшие идеи приходили в мою голову, когда я вдыхала густой аромат свежесваренной «Арабики» и чувствовала на языке его неповторимую горчинку.

Мое удовольствие прервал телефонный звонок. Я сделала еще один глоток и нажала на кнопку радиотелефона.

– Здравствуйте! Это – частный детектив Татьяна Иванова? – спросил неторопливый, но уверенный в себе мужской голос.

– Да, это я.

– Нам известно, каким расследованием вы сейчас занимаетесь...

– Кому это вам? Представьтесь, пожалуйста.

– Совсем неважно, как меня зовут и кого я представляю. Я ведь могу назвать любое имя... Главное заключается в том, что мы не хотим, чтобы вы понапрасну морочили себе голову: ваш клиент и есть убийца. Решайте сами, как с ним поступить. Нам известно, что вы, Татьяна, очень принципиальны и не пойдете на сделку со своей совестью. Уверены, ваше решение будет мудрым. До свидания.

– Погодите, а... – В трубе послышались гудки.

Я тут же пошла в комнату, чтобы посмотреть на определителе номер звонившего. Впрочем, на это не стоило надеяться, анонимные звонки, как правило, делаются с уличного автомата. Сообщение «доброжелателя» не могло меня не заинтриговать. Кто-то мог быть заинтересованным в том, чтобы пустить меня по ложному следу, а может быть, он на самом деле располагал доказательствами вины Басманова, но боялся себя назвать.

О том, что Андрей Георгиевич нанял меня, знали уже многие: пухленькая секретарша Управления капитального строительства, персонал «Тарпластмета», родители Натальи и ее подруга, Вероника Громушкина. Кроме того, каждый из них мог рассказать обо мне кому-то еще. Вернувшись на кухню, я без удовольствия допила остывший кофе и уставилась в пустую чашку, но гадать на кофейной гуще не стала, просто не умела.

Я не нашла ничего лучшего, как позвонить Басманову, чтобы сразить его информацией о нем самом, а уже дальше по его голосу определить дальнейшую тактику поведения. Но поговорить с клиентом сразу не удалось, он не ответил. В общем, пришлось общаться с его автоответчиком. Замешкавшись на пару секунд, я взяла себя в руки и сказала, отступив от первоначального замысла:

– Это Татьяна Иванова. Думаю, что отчитываться о проделанной работе по телефону – не самая хорошая идея. Андрей Георгиевич, назначьте, пожалуйста, время для встречи!

– А вам уже есть что сказать? – тут же вступил в разговор Басманов. Оказывается, он был дома.

– Да, у меня уже есть версии...

– Меня интересует имя человека, почему он это сделал и, разумеется, доказательства. Вы уже готовы мне их предоставить?

«Надо же, какой скорый! Полдня всего прошло, а он уже хочет, чтобы преступление было раскрыто. Да, не завидую я его подчиненным».

– Нет, так далеко мое расследование не зашло, – смеясь, сказала я, – но вы просили ежедневно отчитываться...

– Разве? У меня нет времени на пустые разглагольствования.

– Почему же пустые? – спросила я, теряясь в догадках относительно того, чем может быть занят вдовец в этот поздний час. – Мне надо задать вам несколько конфиденциальных вопросов...

– Я сказал вам все, что мог. Работайте!

– Не все, вы умолчали о том, что у вас нет алиби. – Я не смогла удержаться от того, чтобы не уколоть заносчивого чиновника.

Моя осведомленность произвела нужное впечатление на Басманова: он закашлялся. Пришлось брать инициативу в свои руки:

– Я настаиваю на встрече и желательно в нерабочее время, иначе вы опять будете то и дело поглядывать на часы и искать предлог, чтобы меня выпроводить.

– Гм, признаю, сегодня было не самое удачное время для встречи, но я тут совершенно ни при чем. Я попросил секретаршу найти мне хорошего частного детектива и договориться с ним о встрече. Она и пригласила вас в офис, к тому же за полчаса до очень важного совещания, – оправдывался Басманов. – Нам действительно надо встретиться. Только завтра у меня весь день расписан до глубокого вечера, а сегодня уже поздно...

– Всего-то девять вечера. Детское время! Я могла бы к вам сейчас приехать.

– Нет! – вскричал Андрей Георгиевич. – Нет, лучше давайте встретимся в городе. Уговорили, я могу прямо сейчас сесть в машину и минут через пятнадцать уже буду в центре.

– Хорошо, – сразу же согласилась я.

«Очень непоследовательно ведет себя Андрюша, словно чего-то или кого-то боится. Неужели разоблачения? Не отвечал, пока не узнал, что это я. Впрочем, и со мной-то не очень хотел разговаривать, пока я не ошарашила его своей осведомленностью. А главное – боялся пригласить меня домой. А вдруг второй брак показался Басманову ошибкой и он решил избавиться от Натальи? Конечно, развестись проще, тем более детей нет. Но, может, существуют какие-то обстоятельства, о которых я пока не знаю, – надо признаться, что интрига нарастала. Ладно, послушаю, что скажет Андрей Георгиевич. Я не буду стесняться задавать ему вопросы, несмотря на то, что он мне платит. Не люблю, когда меня используют».

Глава 6

Темно-синий «Рено Меган» припарковался рядом с моей «девяткой» минуты через две после того, как я заглушила мотор, остановившись на Театральной площади около главного корпуса Научной библиотеки. Выйдя из машины, я не спеша закурила сигарету и пересела в басмановскую иномарку. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Вдовец первым отвел взгляд, словно мальчишка, уличенный во лжи.

– Откуда вы узнали о том, что у меня нет алиби? От следователя? – спросил Андрей Георгиевич.

– Это профессиональная тайна. – Выдавать Веронику, которую он недолюбливал, я не собиралась.

– У вас не должно быть от меня тайн, – назидательным тоном сказал Басманов, изучая глазами приборную панель, словно никогда раньше не видел ее.

– И у вас тоже не должно быть от меня тайн, – со всей серьезностью сказала я своему клиенту, откровенно рассматривая его профиль.

– Вы не адвокат, а частный детектив, – заметил Андрей Георгиевич. – Дело в том, что я хочу, чтобы вы вели свое независимое расследование, не опираясь на материалы официального следствия. Оно ко мне относится предвзято, на то есть свои основания, уж поверьте мне...

– Я как раз иду своим путем и со следователем, невзлюбившим вас, пока не пересекалась. Но если понадобится, то я свяжусь с ним. Андрей Георгиевич, лучше сами расскажите о том, что пытаетесь скрыть!

– Что вы себе позволяете! – возмутился мой клиент. – Это просто неслыханно! Я вас нанял, и вы же еще меня обвиняете в убийстве собственной жены.

– Я вас ни в чем не обвиняю, а только пытаюсь найти ответы на вопросы, которые меня интересуют, – как можно мягче сказала я.

– Какие, например? – спросил Басманов после некоторой паузы и бросил на меня беглый настороженный взгляд.

– Почему вы испугались пригласить меня к себе?

Мне казалось, что Андрей Георгиевич будет отмалчиваться или юлить, но он ответил достаточно бойко:

– Я собираюсь выставить свою кандидатуру на выборах мэра, поэтому моя репутация должна быть безупречной. Что подумают обо мне соседи, если увидят, что через несколько дней после смерти супруги ко мне пришла молодая красивая девушка? Я – человек публичный, а потому каждый мой шаг на виду. Всем не станешь объяснять, что вы – частный детектив, а «черные пиарщики» сразу толкнут эту информацию в СМИ, да еще приукрасят самыми пикантными подробностями. Кстати, именно мой основной соперник, он же сосед, и надоумил следователя поинтересоваться моим алиби.

– А где вы на самом деле были в момент убийства?

– Конечно, дома. Где же еще? Я отвез жену в салон красоты и вернулся домой. Ко мне никто не приходил, а у домработницы был выходной... В начале одиннадцатого позвонил Владимир Валентинович со страшным известием, и я сразу же выехал туда. – Руки, которые Басманов держал на руле, задрожали, и он спрятал их, сложив на груди. – Мы еще Наташу не похоронили, а следователь уже стал задавать мне дурацкие вопросы.

– Какие? – сочувственно спросила я.

– Почему не был на банкете? Кто меня видел? Никто! Почему-то никто не видел, как я вернулся домой! – грозно крикнул он. – Татьяна, я нанял вас, чтобы настоящий преступник был поскорее найден и с меня сняли все подозрения. Мне сейчас совсем ни к чему скандалы, и мне очень-очень тяжело без Наташи... Вам что-нибудь удалось выяснить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.